

США, — все подходят на эту роль. Для них всех сложно подыскать общее наименование, но, кажется, таковое все же прорисовывается. Речь идет о так называемой русофобии, иррациональном страхе и ненависти, которые обращены именно на русское, по какой причине — знает только Создатель. Во всяком случае, российские власти сейчас, кажется, широко эксплуатируют это представление, которое, видимо, во многом замещает прежний антикоммунизм.

Жертвенность, как уже говорилось, в России ценится издавна, и у многих русских есть основания ощущать себя жертвами. Интеллигенты старого поколения, напротив, ощущают себя привилегированными, они были кающимися людьми, желающими оплатить свой долг народу. Такое настроение, как представляется, полностью отсутствует у нынешних российских высших классов общества. Пожалуй, это связано с тем, что каждый из них одинаково испытывал угнетение коммунистического общества и, следовательно, не в ответе за народные страдания.

Но как долго будет сохраняться такая ситуация? Социальное неравенство в России более остро, чем в других развитых западных странах. Рождается поколение, которое способно видеть, что благосостояние высших слоев получено за счет народа, не заработано, а разделение получаемых за счет экспорта национальной собственности средств — неправильно. Как долго добрая совесть высшего или даже нового среднего класса позволит ему щеголять кичливыми тратами перед бедняками? Как долго сами бедняки будут это терпеть? Есть ли у них альтернатива?

Отличает ли национальный характер Россию от Запада?

Связь России и «Европы» сложна. Связь Финляндии и России по своему есть отражение этой связи. Однако Финляндия во многих отношениях представляет особый случай.

Что, в конце концов, представляет собой так часто упоминаемая в этой книге «китайская стена», отделяющая финнов и русских друг от друга? Часто утверждается, что Россия XIX столетия была во многих отношениях более «европейской», чем Финляндия. Именно в Петербурге опережали Финляндию в следовании новейшим европейским течениям, и во всем своем космополитизме метрополия на Неве была более открытой и более развитой, чем провинциальная Финляндия. Однако заключается ли вопрос

только в своего рода обособленности маленького народа, отодвинувшегося в сторону от огромного и пугающего мира? Было ли это девичьей опасливостью, иррациональной и отсталой, хуже того, спесью, которая основывалась на неведении?

Что греха таить, такие качества можно найти в культуре Финляндии времен автономии, по крайней мере, при желании. Схожим было также объяснение российских патриотов, и у них имелось для этого основание. В мире довольно обычно, когда твой враг считает твои добродетели сомнительными. Наше собственное отношение к российской культуре было, однако, зеркальным отражением их отношения к нам. Еще со времен Ивана Грозного на Западе и, в том числе, в Швеции порицали чванство русских, основанное на их незнании западноевропейских реалий.

Различие России и «Европы» объясняется в сотнях, если не в тысячах сочинений. В последнее десятилетие их было опубликовано больше, чем когда-либо. Но перечисления важных клише об исторически обусловленной особенности, о том, что Россия осталась вне процесса эпохи Возрождения, Реформации и даже Просвещения, в конце концов, не всегда достаточно для современного исследователя. Необходимо всегда учитывать также православную веру, российскую природу и ландшафт, огромные расстояния, политические и общественные традиции... но любопытствующий все еще остается неудовлетворенным. Необходимо не только объяснение того, как возникло различие между Россией и Западом, но также показ того, где скрывается, в конце концов, главная причина этого различия. Самуэль Хантингтон помещал Россию и пару других стран в собственное место, отдельно от западных стран по той главной причине или, по крайней мере, признаку, что в них исповедовалось православие. Значение веры для национальной традиции, определено, в России было исключительно важным, как и в тех странах, в которых она поддерживала национальную идентичность в годы турецкого владычества. Ныне веры, однако, в России осталось не больше, чем на Западе. Значение веры, следовательно, уже не может прямо отделять Россию от Запада. Так граница уничтожена?

Я полагаю, что граница стала менее резкой. Однако следует учитывать, что в России довольно многие представители интеллигенции верят, что граница сохранилась, и, пожалуй, еще большее число надеются, что так дело и обстоит. К кругу наиболее прославленных новых славянофилов принадлежит академик, математик и в свое время близкий к Солженицыну товарищ-диссидент Игорь Шафаревич.

Как и многие другие новые славянофилы и прочие «новые патриоты», в числе которых разношерстные элементы, от коммунистов до фашистов, Шафаревич усматривает в качестве движущей идеологической силы Запада еврейство. Правда, в отличие от многих других он не верит в мировой тайный еврейский союз, но при этом повсюду видит их влияние, как на Западе, так и в России. Шафаревич выражает антипатию к еврейству настолько сильно, что его, пожалуй, невозможно на Западе цитировать в салонах. Ограничимся тем, как Шафаревич в своей самой последней, опубликованной в 2009 г. книге показывает особый характер России и ее отношение к еврейству и Западу. Падение Запада, по мнению Шафаревича, не прогноз, а диагноз того, что мы видим происходящим. Касается ли это также и России, или выживет ли она, когда Запада уже не будет?

В чем, по мнению Шафаревича, то решающее отличие, которое преобладает между Россией и Западом, несмотря на то, что Россия уже довольно основательно освоила западную культуру, как он отмечает?

Шафаревич опирается на авторитет князя Н.С. Трубецкого. Трубецкой развивал в 1920-е гг. в эмигрантских кругах так называемую евразийскую идеологию, оказавшуюся довольно живучей, наиболее известным представителем которой в последние времена был Лев Гумилев.

По мнению Трубецкого, в государстве, как и в других организациях, всегда присутствует один объединяющий фактор, которым является руководящий слой общества. Последний комплектуется из массы в соответствии с определенным принципом, который — а отнюдь не система управления, — и является тем существенным фактором, определяющим особые качества государства. Весь народ управлять не может, этим занимается только упомянутый правящий слой. Его отношения с массами меняются, иногда они более тесные, иногда нет.

Шафаревич толкует Трубецкого следующим образом: до революции в России этим руководящим слоем была интеллигенция. Правящей была «идеократия», а не аристократия. Идеология была, разумеется, центральным фактором и при коммунистической власти, и даже после нее, хотя ныне она аморфна и не может быть точно определена. На Западе ее границы определяет современная политкорректность.

В последние годы к власти пришел новый слой: его представляют богачи. Плутократическая европоцентристская цивилизация

оценивает других исходя из того, в насколько большей степени они напоминают ее саму и разделяют ее ценности.

Шафаревич считает, что европоцентристская цивилизация проникает повсюду и вначале кажется, что она побеждает любое сопротивление чудесным новым оружием, как марсиане в «Воине миров» Герберта Уэллса. В этой воображаемой войне марсиане внезапно гибнут, т. к. их поражает живущая в среде обитателей примитивной страны бактерия.

Есть ли у России способность к сопротивлению, которая спасет ее, когда цивилизация западных стран устремится к своему губельному концу, что теперь представляется очевидным? По мнению Шафаревича, надежда есть, и он обосновывает ее теми же факторами, что и Иван Солоневич, полстолетия назад скончавшийся писатель и философ, сочинение которого «Народная монархия» было обнаружено совсем недавно в России и вызвало там оживленную дискуссию. Напомним, что Солоневич бежал из советского лагеря в Финляндию в 1930-х гг. и давал финскому правительству советы еще во время Зимней войны. Он умер в Монтевидео в 1953 г.

По мнению Солоневича, в истории побеждает не героизм, а стойкость. Россия вынесла вековое татарское иго, Куликовская битва, о которой столь много говорилось, не решила ничего. Только стойкость народа России позволила ему выжить, тогда как татары «окончательно уничтожены».

По мнению Солоневича, государственность России основана на двух принципах: «уживчивости» и «не замай». Это совершенно иное отношение к космосу, чем изображаемый Шпенглером фаустизм Запада. Таким образом, Солоневич как бы подписывается под классическим представлением славянофилов о терпимом и мирном характере русских, для которых любое насилие в принципе чуждо. На практике, правда, «чистые» принципы таковыми не оказываются в силу грешности человека.

Однако упорство России может быть решающим фактором, который спасет ее. «Пассионарность» Запада, т. е. готовность человека к жертве рухнула, и Запад, как в свое время власть татар, кажется, «умрет окончательно». Россия усвоила арсенал западной цивилизации, но духовно частью Запада не стала. В России руководящий класс со временем должен будет опираться на собственно российский народ, а ни на какой другой. Так в свое время поступило российское дворянство, в кругах которого возник своеобразный тип кающегося дворянина. Шафаревич в этом снова опирается на Солоневича, по мнению которого такой тип не появился более

нигде. Ни прусские юнкера, ни французские виконты, ни даже польские дворяне подобным образом на народ не опирались.

Помимо упомянутых терпимости и упорства, а также готовности к самопожертвованию Шафаревич видит особенность России в связи «истинной» веры с русским государством, с «русской землей». Он верит также в способность народа России стать единым, т. к. тот понимает преимущество общего перед частным.

Нынешняя власть в России, по мнению Шафаревича, антирусская, и по этой причине руководящий слой напрасно пытается организовать народ в своих целях. Писатель не скрывает того, что, по его мнению, находящийся у власти «антирусский» слой означает евреев, которые должны бы быть устранены. Конкретным шагом в этом направлении могло бы быть возвращение в паспорта пункта о национальности, более конкретной программы он не излагает. Какими политическими средствами «руководящий слой» мог бы быть русифицирован, остается совершенно неясным. Евреи, со своей стороны, интуитивно чувствуют в такого рода речах приглашение к погромам.

Взгляды Шафаревича политически очень некорректны, что он и сам понимает. Кроме того, они весьма эклектичны, что он также не скрывает. Во всяком случае, они предлагают пример национально-русского взгляда, и отнюдь не самого радикального. Можем ли мы из них что-то понять об особенностях России, или речь идет только о наивных излияниях старого академика, в которых отражена безосновательная вера в наличие у русских способности сопротивляться разложению культуры и поиск козлов отпущения там, где их легче всего найти? Как тогда объяснить, что названный упорным народ России перестал прирастать и сокращается почти на миллион человек в год? Действительно ли только маленький «нерусский» руководящий слой является причиной того, что попечение о малообеспеченных и любое общественное бескорыстие в России встречаются гораздо реже, чем в скандинавских странах? Способен ли русский народ, как и все другие народы, сам отвечать за свою судьбу? Все же речь идет о большом народе, который не может считаться духовно неразвитым. Перенесение ответственности на еврейское меньшинство представляется как неприемлемым, так и абсурдным.

Во всяком случае, мы можем констатировать, что такие взгляды излагаются в России совершенно свободно, в чем можно видеть проявление ее относительной идеологической особенности в отношении Запада. Замечание Шафаревича о политкорректности

как отражении западной идеологии исключительно метко. Также утверждение о том, что система управления или форма правления не важна настолько же, как то, что в соответствии с принципом выбирает руководящий слой, должно учитываться, когда размышляют о различиях между Россией и Западом или хотя бы о различиях США и Афганистана. Если размышлять о России и Финляндии XIX — начала XX в., то можно констатировать, что «идеократия», власть интеллигенции, была в Финляндии гораздо более значимым фактором, чем в России, где она была в оппозиции.

Стоит отметить, как высоко в Финляндии во времена движения фенноманов ценили культуру. Начиная со Снелльмана, она была как зрачок глаза нации на всех уровнях общества. Как утверждал один иностранный наблюдатель, профессора в Финляндии не вызывают смеха, они пользуются огромным авторитетом и очень активны в политике. У нас студенты уже традиционно принадлежат к элите и отождествляются с ней иначе, чем в России, где они исходно находятся в оппозиции. В XIX в. у нас сложилась особая ситуация, когда Великое княжество в целом соблюдало консервативную линию, стремясь, по возможности, сохранить достигнутые выгоды. Имелись также и радикально настроенные студенты, которые иногда могли быть очень пылкими и придерживаться «красных» взглядов. Однако они понимали, что в отношении монарха следует оставаться лояльными. Ситуация вполне подходит для сравнения со временем после Второй мировой войны, когда университетская молодежь как один человек поддерживала Кекконена, вне зависимости от своей политической окраски. В обоих случаях понимали, что Финляндия — *beatus possidens*¹, которому есть что терять.

Если размышлять о терпимости и упорстве народа, то на уровне идеалов народ в поэме Рунеберга *Saarijärven Paavo* («Крестьянин Пааво из Саариярви») символ терпимости, да и выносливый народ у Юхани Ахо, определенно, не уступят русским. Мифические несчастья, великое лихолетье и годы голода обрушивались на финнов, как татары и природные катастрофы — на русских. «Пассивный» героизм защитника был для финнов даже более весомым, чем для русских, в «пассионарность» которых Гумилев зачислял также стремление к захватам, своего рода *Drang nach Osten*, который, однако, считался более благородным, в противоположность немецкому. У нас такой экспансионизм, если он и имелся, то остался очень поздним и академическим явлением, всегда чуждым народу.

---

¹Счастливым обладатель.

Поскольку у русских есть «врожденное» представление о едином Российском государстве, то можно сказать, перефразируя, что то же верно и в отношении финнов и Финляндии, а что касается чувства общего блага и жертвенности, то они с успехом используются и у нас, и у многих других народов. Объединение народа на стороне своего правительства видно хотя бы в готовности немцев поддерживать принцип самоубийственной и бесполовой тотальной войны. Хотя их сопротивление в завершающий период было сломлено довольно быстро, речь, однако, не шла об истощенности духа борьбы и неизбежности поражения перед превосходящими силами.

А что касается способности жить вместе с другими народами? Разве не у нас история отношений между финноязычной и шведоязычной частями населения служит лучшим примером, чем прославленное мирное сосуществование русских со своими собственными меньшинствами? В какой-то период это соседство оказывалось для последних убийственным. Во всей истории Финляндии был, пожалуй, только один пример преследований на национальной почве. Это произошло весной 1918 г., и враждебные действия были направлены против русских.

Очень трудно найти в истории какого-нибудь народа общие принципы, которые доказывали бы наличие именно только ему свойственных особенностей и были бы исторически прочными. Исторические ситуации меняются и, например, превращение русских в единый народ, который вошел в историю великих войн, получает в качестве своего эквивалента распад и внутреннее расстройство, которое наиболее резко проявилось во время гражданской войны и в форме разжигания революционного пламени. Финляндия всегда была более едина и более гомогенна в национальном, социальном, языковом и религиозном отношении, чем Россия — несмотря на то, что в нашей истории также была гражданская война.

Шафаревич замечает, что на Западе с русской цивилизацией связывают насилие, ее считают «аморфной», неорганизованной или даже «рабской». Это действительно свойство, которое в начале прошлого века также отмечалось поднимавшей голову финской русофобией. В годы революции и гражданской войны русский мир предстал для финнов безответственным освобожденным Вараввой, которого описывали словом *свобода*. Молодые люди буйствовали и грабили, не встречая препятствий и не неся ответственности. Это воспринималось как разрушительная природная сила

русскости, которая не способна творить. Отстранение от этого элемента представляло борьбой за культуру против животного бескультурья. Но едва ли речь шла о «национальном качестве», хотя подобное явление, теперь под именем *беспредел*, еще раз охватило Россию после распада Советского Союза в начале 1990-х гг. Происходившее легче объяснить крахом государства и отсутствием гражданского общества. Это также скорее объясняющие историческую традицию, чем вневременной национальный характер, явления.

В конце концов, объяснения особых качеств русских и отличия их цивилизации от западной культуры у Шафаревича и неоднократно цитируемого им Солоневича не дают пищи для понимания вопросов. Может ли объяснение глубинной сущности русского духа быть правильным, если оно более подходит к финской, чем к русской истории? Хотя оно вовсе не должно быть ложным, однако заставляет утверждать, что значимость книги Шафаревича для антизападного читателя в том, что она наглядно показывает то, как откровенно можно писать в России на табуированные в западных идеологических кругах темы.

Пошлость

В любом языке и в любой культуре есть понятия, в которых особенно четко отражаются их особые качества. Предметы объединяются иначе, чем в другом языке схожими понятиями, и по этой причине перевод подчас бывает невозможен. В отличие от логики и математики разговорный язык не является нескончаемой тавтологией, живым языком невозможно бесконечно варьировать, не сказав ничего нового. В суждениях о реальном мире логические тавтологии уничтожают очень многие оттенки значений. Каждый, кто использует язык, опирается на истоки своей культуры и сохраняет, сознательно, или несознательно, наследие прежних поколений. С радикальной точки зрения давление традиции может оказаться очень обременительным, давящим на мозги каждого поколения «тяжестью свинца», как говорил Маркс. Но на этот вопрос можно взглянуть и иначе.

Русские охотно подчеркивают особость собственной культуры, и часто это объясняется простым желанием видеть в ней что-то неевропейское, выстроенное на собственных законах и собственных принципах. Так поступали не только российские славянофилы и иностранные русофобы. Ныне, например, Самуэль